

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ПУТЬ КЕЙНА
ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ
РЕЗОНАНС**

Цикл «ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

Цикл «ЭКЗОРЦИСТ»
**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл «ДОРОГА МЕРТВЕЦА»

**МЕРТВЫЙ ВОР
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ
СВИТА МЕРТВЕЦА
ПОВОДЫРЬ МЕРТВЫХ
ГУБИТЕЛЬ ЖИВЫХ**

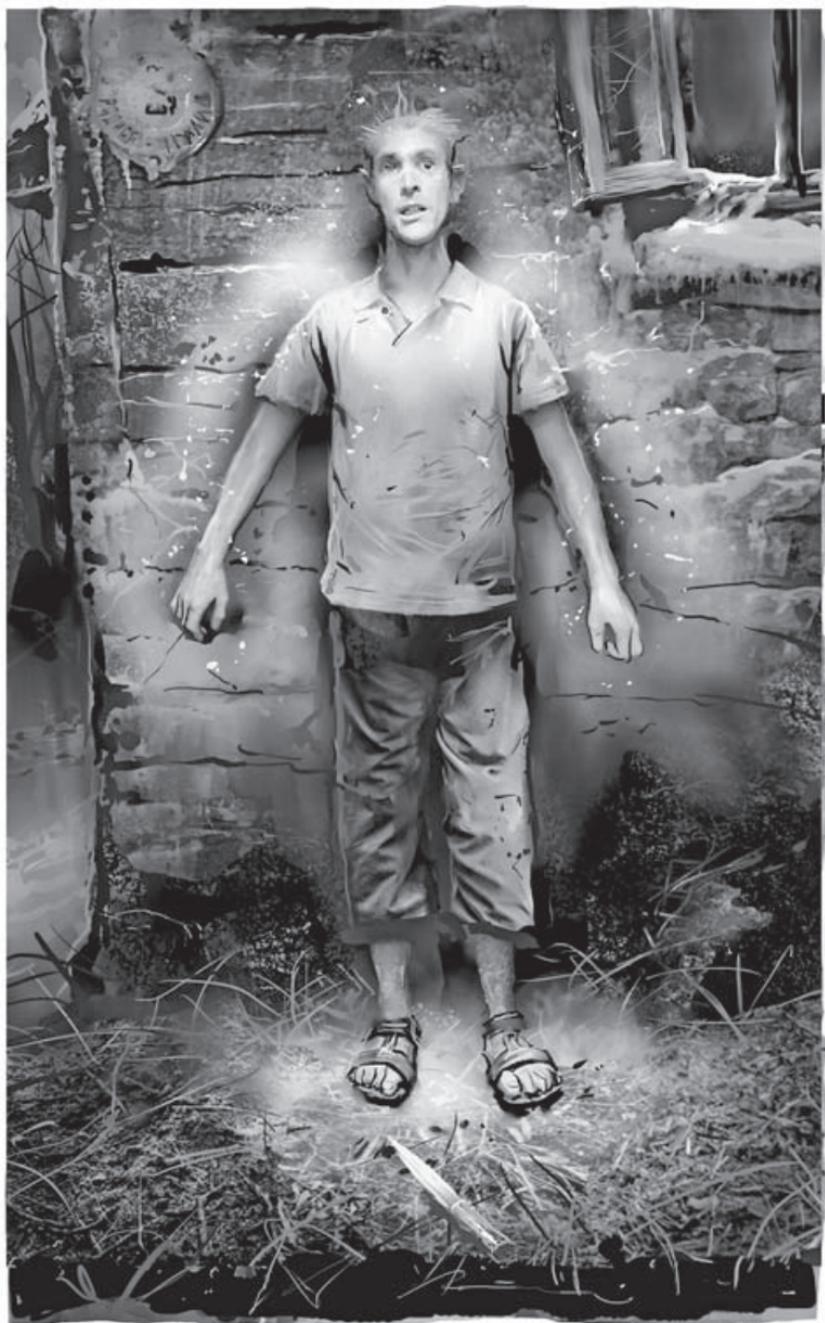
В соавторстве
с Андреем Кружом
**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл «СИЯТЕЛЬНЫЙ»

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

Цикл «НЕБЕСНЫЙ ЭФИР»

**РЕНЕГАТ
РИТУАЛИСТ
(в двух томах)
РЕВЕНАНТ
РУТИНЕР**

Часть первая

ИНИЦИАЦИЯ

Первый резонанс у каждого уникален и неповторим. И речь вовсе не о том, что кто-то входит в это состояние легко и непринужденно, а кого-то цепляет лишь на самых последних витках. Дело в эффекте. Одни начинают видеть звуки и чувствовать на вкус слова, другие обретают способность ощущать эмоции или принимать радиосигналы. Но иной раз голоса незримых собеседников в голове — лишь галлюцинации, не более того. Не самый плохой вариант, для окружающих — так уж точно.

Бывает, соискатели делаются источниками теплового или электромагнитного излучения. Один такой уникал как-то даже запек себя и пару товарищей собственными микроволнами, прежде чем санитары успели распознать побочный эффект резонанса и усыпить его хлороформом. Именно поэтому стихийных пирокинетиков сначала гасят инъекцией транквилизаторов и лишь после этого тушат — их самих и все кругом.

Но подобных случаев от силы один-два на тысячу, они погоды не делают. Куда чаще люди оказываются неспособны выбраться из транса самостоятельно, и под воздействием сверхэнергии их организм идет вразнос. На моих глазах у человека взорвалась голова, и это еще повезло, что соседей просто забрызгало кровью и заляпало вскипевшим содержимым черепной коробки; все могло закончиться куда как хуже — для нас, не для него.

А вот сам я в свой первый резонанс ничего необычного не ощутил. Вообще ничего не ощутил — одну лишь абсолютную тишину, поглотившую не только рык мощного автомобильного движка, шуршание гравия под колесами и гул встречного потока воздуха, но и весь окружающий мир без остатка. И меня — вместе с ним.

— Два кубика кофеина! Быстрее коли! Да шевелись ты! Если еще и этот загнетса, не только мне — всей бригаде головы поотрывают! Ну что за выезд сегодня такой, еще и на десятый виток пошли...

ГЛАВА 1

Железнодорожный вокзал Зимска оказался неожиданно большим и просторным для захудалого провинциального городка — по сути, разросшейся станции трансконтинентальной магистрали. За последнюю неделю мы успели вдоволь насмотреться на эти утилитарные одноэтажные строения, если и не возведенные по одному типовому проекту, то похожие друг на друга, словно близнецы.

Другое дело — здесь. Основательное каменное здание в два этажа с просторным залом ожидания, газетным киоском, палаткой с газированной водой, буфетом и не обычной для вокзалов закуской, а полноценным рестораном.

Но это все не для нас. Не для меня — так уж точно. Выделенная на поездку сумма, казавшаяся столь внушительной поначалу, разошлась на удивление быстро, и теперь все сбережения составляли мятая трешка с мелочью да талон на питание в вагоне-ресторане, действительный по завтрашнее число.

От мысли о неизбежном возвращении домой в случае неудачи с инициацией неприятно засосало под ложечкой, усилием воли выбросил ее из головы.

Нет, нет и нет! Статистика на моей стороне! Посетивший гимназию рекрутер ясно дал понять, что отбраковывался лишь каждый десятый соискатель, и не было никаких причин не верить его словам. Как и ставить под сомнение собственную удачу.

Все будет хорошо!

Ну а пока было просто жарко. Еще совсем недавно зал ожидания заполняли наши многочисленные попутчики, но четверть часа назад ушел очередной пассажирский экспресс на Новинск и стало свободней, удалось даже занять пару соседних скамей. А вот духота никуда не делась: зависшее в зените июньское солнце жарило просто нещадно, и из распахнутых настежь дверей и окон не доносилось ни единого дуновения ветерка. И на улицу подышать свежим воздухом тоже было не выйти: всех возжелавших покинуть здание соискателей заво-

рачивали обратно жандармы железнодорожного корпуса. В оцепление вокзала пригнали целое отделение, посреди замощенной брусчаткой площади и вовсе прокаливался на солнце-пеке двухосный броневик.

Ладно хоть еще имелась возможность утолять жажду из фонтанчика с питьевой водой, иначе пришлось бы тратиться на ситро. Говорят, в такую погоду куда лучше пить чай, но и без того уже взопрел в своей гимназистской форме, напыюсь горячего — и окончательно пропотею.

Я вздохнул и попытался незаметно для окружающих оправить штанины, ставшие слишком короткими задолго до выпускных экзаменов и получения аттестата. С рукавами гимнастерки дела обстояли ничуть не лучше, но ничего более представительного в моем гардеробе попросту не было, и не имелось никакой возможности купить легкий летний костюм, как у сидевшего по соседству на жесткой лавочке Левы Ригеля. Ну а нарядиться по примеру Аркадия Пасечника в рубаху-поло, просторные прогулочные брюки, сетчатые теннисные туфли и панаму не хватило бы еще и духу.

Гимнастерка в какой-то мере добавляла солидности, а так, в отличие от плечистого товарища, выглядел бы даже не пацаном, а мальчишкой в коротких штанишках. Пусть за последний год заметно вытянулся, шириной плеч и крепостью сложения не приблизился к Аркаше даже близко. Он и брился не как одноклассники, уже не от случая к случаю, а каждый день.

Я взял за лакированный козырек фуражку, несколько раз обмахнулся ею и вернул обратно на голову.

— Жарко, — сказала Лия.

Разобрать, вопрос это или утверждение, не удалось, поэтому я неопределенно кивнул и вновь уткнулся в книгу, но сразу украдкой глянул на занимавших скамью напротив девушек.

Инга — спортивная, стройная и подтянутая, была в белой юбке до колен и синей блузе. Русые волосы она стригла вызывающе коротко, а цвет глаз за все время нашего знакомства я так и не определил; просто не решался присматриваться, опасаясь встретиться взглядом. Лицо с высокими скулами и широким ртом кому-то могло показаться излишне жестким, но впечатление это было обманчивым. Переполнявшая девушку внутренняя сила делала ее ярче и привлекательней всех, кого я только знал.

Симпатичная и смешливая Лия со своим вздернутым носом, милыми ямочками на щеках и рассыпавшимися по пле-

чам кудряшками каштановых волос на фоне подруги терялась примерно так же, как по всем статьям мы слевой проигрывали Аркаше.

Впрочем, «мы» — это громко сказано. В отличие от меня Лев был скорее сухопарым, а не откровенно худым. По сути, объединяли нас лишь любовь к чтению, близорукость и ячейка Февральского союза молодежи. Хотя, если разобраться, значение имело лишь последнее обстоятельство: алые, с голубой каймой значки, несшие на себе аббревиатуру этой организации, украшали одежду всей нашей пятерки.

— Что читаете? — спросила вдруг Инга.

Мы со Львом приподняли книги, демонстрируя обложки.

— Неожиданно! — не удержалась от удивленного возгласа Лия.

Лев листал последний номер журнала «Вокруг света» с броским, пусть при этом и совершенно безграмотным подзаголовком «В поисках четырнадцатого Эпицентра» и счел нужным уточнить:

— И почему же?

— Ой, да с тобой все понятно! — отмахнулась Лия. — А вот за Петей не замечала раньше тяги к точным наукам.

Я с деланой беспечностью пожал плечами и приготовился отложить книгу, если кто-то вдруг решит заглянуть в нее, но никого задачник по физике для техникумов не заинтересовал. Не интересовал он и меня, просто учебное пособие наилучшим образом скрывало вложенный внутрь детектив с роковой красоткой на обложке.

— И что интересного пишут? — поинтересовалась Лия, понятное дело, вовсе не содержимым задачника.

Лев опустил журнал и с готовностью произнес:

— По одной из версий наш Эпицентр пусть и крупнейший, но при этом тоже вторичный источник. Существует немало свидетельств, что некая неизвестная пока аномалия расположена где-то в глубинах Черного континента. По некоторым выкладкам ее радиус вполне может превысить тринадцать километров, а это значит...

Я едва удержался от страдальческого вздоха. Лев вечно увлекался самыми невероятными теориями о природе сверхэнергии, практиковал медитацию и занимался не боксом или даже джиу-джитсу, а куда более экзотическими боевыми, как он называл их, искусствами наших юго-восточных соседей. Вот и сейчас, сев на любимого конька, он собрался выдать на-

гора кучу не слишком-то интересной информации, а просто уткнуться в книгу и не обращать внимания на эту болтовню было бы по меньшей мере невежливо.

Спасла ситуацию, пусть и не желая того, Лия.

— Подожди-подожди! — попросила она, достала из кармашка зеленого платица носовой платок, уткнулась в него и в стремительном темпе пулеметной очереди четырежды чихнула. — Простите...

Ну а дальше вернулся от газетного киоска Аркадий.

— Свежая пресса! — объявил он и протянул Инге утренний выпуск «Февральского марша».

Та мельком глянула на заголовки передовицы и зашуршала листами желтоватой бумаги, выискивая статью, посвященную результатам выборов в парламент.

«Правящая коалиция устояла!» — бросилась в глаза крупная надпись, и неуютно засосало под ложечкой.

— «Социал-демократы выиграли войну, но проиграли генеральное сражение. Увеличив собственное присутствие в нижней палате, они не сумели сформировать социалистическое правительство большинства и будут вынуждены продлить сотрудничество с центристами как минимум до конца следующего года, — начала вслух читать Инга. — Сокрушительное поражение на выборах потерпел Рабочий союз, серьезно потесненный впервые прошедшим в парламент «Правым легионом». Также не лучшим образом обстоят дела у левоцентристской партии «Земля и воля», в то время как консервативному «Земскому собору», представляющему интересы помещиков и крупных землевладельцев, удалось некоторым образом усилить свои позиции...»

— Ну еще бы Рабочий союз не пролетел! — раздраженно фыркнул Аркадий. — После того как центристы протащили новый закон о стачках и добились запрета независимых трудовых советов, ничего другого и ждать не стоило! Профсоюзы у капиталистов с рук едят, вот народ и потянулся, кто к «псам», а кто к «легионерам». А наших агитаторов и те и другие гоняли!

Я досадливо поморщился. Никаких приятных воспоминаний агитация в рабочих кварталах у меня не оставила. И сторонники радикальных пролетарских советов — «псы», и «легионеры» — их набирающие силу оппоненты из противоположного лагеря полагали, будто лучше других смогут защитить интересы простых рабочих, и потому не только вели настоящие уличные сражения друг с другом, но и не упускали случая надавать тумачков агитаторам Республиканской социал-демо-

кратической партии, молодежным крылом которой и выступал Февральский союз. С учетом того, что против молодчиков в синих рубахах «Правого легиона» мы с «псами» действовали сообща, а против самих «псов» обычно объединялись с центристами-скаутами, оставалось лишь удивляться, как за всю предвыборную кампанию я умудрился обойтись лишь подбитым глазом и расквашенным носом.

— Ничего страшного не произошло! — ободрила нас Инга. — К следующим выборам подготовимся лучше, только и всего. Возможно, и вовсе ни с кем в коалицию вступать не придется!

Прозвучавшая в этих словах уверенность приятным холодком отозвалась меж лопаток, но долго воодушевление не длилось. Просто Аркаша вдруг встрепенулся и сделал стойку, будто обнаружившая дичь ищейка.

— Реваншисты! — негромко сказал он. — Взгреем?

Я проследил за его взглядом и обнаружил у фонтанчика с питьевой водой парочку ребят в одинаковых черных рубахах с серебряными значками-орлами, но не раскоронованными — республиканскими, а старорежимными, при скипетре и державе.

Отговаривать товарища от драки я и не подумал, отложил книгу, накрыл ее фуражкой. Никогда не любил махать кулаками и с превеликим удовольствием вернулся бы к чтению, но со сторонниками реставрации монархии у меня были личные счеты, выходявшие далеко за рамки политических разногласий. Семейные, можно даже сказать, — при подавлении контрреволюционных выступлений погиб дед со стороны мамы, а несколькими годами позже саботаж на железной дороге привел к крушению поезда, в котором ехал старший брат отца. И пусть эти молодчики не имели к тем делам никакого касательства, но кровь не вода.

Я поднялся с лавочки, но еще прежде чем успели всполошиться девчонки, нас остановил Лев.

— Не дурите! Заберут в участок, и тогда точно на инициацию опоздаете.

Аргумент рассудительного товарища заставил меня опуститься обратно на лавочку, а вот Аркаше он убедительным не показался.

— Инициация? Тоже мне — большое дело! Будущее за техникой, а все эти сверхэнергии — ничто по сравнению с прогрессом!

Лия запрокинула голову и с прищуром посмотрела на него снизу вверх.

— Почему тогда не отказался?

Аркадий лишь повел мощными плечами и промолчал, а девушка обратила свое внимание на меня.

— А ты, Петр?

Я снял очки и, выгадывая время на раздумье, принялся протирать стекла кусочком замши.

— За компанию, — озвучил в итоге лишь третью по значимости причину, поскольку первая была слишком личной, а вторая — насквозь меркантильной, и хмыкнул. — А что? Сами же на собрании ячеек твердили, будто мне требуется активной вратать в социум!

— Твердили, — кивнула Инга и откинула упавшую на глаза короткую прядь русых волос. — Но в первую очередь инициация позволит раскрыть внутренние ресурсы организма! Мы — передовой отряд прогрессивного человечества и не можем позволить себе упустить возможность стать сильнее! Только сильные люди способны изменить мир к лучшему! Нам нужны новые знания и та власть, которую дает Эпицентр!

Произнося эту речь, девушка поднялась с лавочки, и я даже засмотрелся на нее, до того меня проняло. Не слова проняли — все это прекрасно понимал и сам, — но ощущавшиеся едва ли не физическими толчками эмоции. А уж выглядела сейчас Инга так, что пришлось заложить ногу на ногу.

— Мне другое непонятно, — сказал Лев, нарушив своим возгласом странное наваждение; сердце сразу забилось ровнее. — Посмотрите кругом — тут никто особо друг друга не знает. И в поезде было точно так же. Да что там далеко ходить! Из всего города отобрали двенадцать человек. — Он развел руками. — Да не смотрите вы на меня так, я специально узнавал! Вот и получается, что почти половина от этого количества — наша ячейка! Однозначное нарушение нормального распределения статистической выборки!

— Да просто мы уже прошли предварительный отбор! В ячейку кого попало не возьмут! — Аркаша беспечно отмахнулся и хитро прищурился. — Меня другая диспропорция беспокоит: девушек в два раза меньше юношей! — Под пристальными взглядами Инги и Лии наш товарищ несколько даже смутился и сдвинул панаму на затылок. — Я это к чему: на собрании перед проверкой способностей говорили, что в поло-

вом вопросе у них абсолютное равноправие, а на деле все не так!

Лев усмехнулся.

— Да отказываются просто, особенно деревенские. У кого в семнадцать уже дети, кого замуж выдать собираются. Мою сестренку точно никуда не отпустят, папенька ей ремня всыплет и обратно за прилавок в лавку отправит!

— А-а-а! — понимающе протянул Аркадий. — Ну да, кому же надо семейный уют обеспечивать!

Это он от жары лишнего сболтнул, не иначе.

— Мы обязательно донесем эту точку зрения до твоей невесты! — отчеканила Инга, но, прежде чем успела завести разговор об искоренении буржуазно-мещанских пережитков, захрипела черная тарелка репродуктора:

— К первому пути прибывает экспресс на Новинск! Повторяю...

На посадку пригласили пассажиров первого вагона, и все кругом засуетились, начали доставать и проверять literные билеты. К выходу на перрон быстро выстроилась длинная очередь, а вот мы остались сидеть на лавочках.

Наш вагон — четвертый, просто нет смысла в самую сутолоку лезть. Я только убрал книгу в фанерный чемоданчик средних размеров и устроил его на коленях.

— Пригласят — и пойдем! — решил Аркадий, оценил очень уж неторопливое продвижение очереди и хмыкнул. — Медленно они как-то!

— Опять жандармы документы проверяют, — предположил Лев, и точно — когда через полчаса нас пригласили на посадку, так сразу пройти через небольшую площадь к вагонам не получилось: только предъявили билеты жандармскому унтеру, придерживавшему локтем болтавшийся на ремне угловатый пистолет-пулемет, и тот сразу велел отойти в сторону.

— Ждите! — коротко бросил он, не снизойдя до объяснений, и дал отмашку подчиненному. — Следующих запускай!

Дабы придать движению пассажиров хоть какую-то упорядоченность, проход ограничили гипсовыми клумбами с чахлыми и пожухлыми цветами, нам пришлось сместиться в сторону и расставить чемоданы в тени колонн. Второй жандарм расположился так, чтобы контролировать обстановку, но трехлинейку с примкнутым штыком оставил висеть на плече.

Судя по всему, причиной столь пристального внимания стали значки Февральского союза молодежи, но мысль о поли-

тических антипатиях унтера я всерьез рассматривать не стал и решил, что подозрительной тому показалась сплоченность нашей компании сама по себе. Как верно подметил Лев, соискатели представляли собой сборище на редкость разнородное, за время пути попутчики успели сбиться разве что в землячества, а никак не в клубы по интересам.

— Четвертый вагон еще есть? — спросил жандарм и тут же гаркнул. — Сдай назад! Пятый еще не вызывали!

— Пусть ждут! — подтвердил унтер и обратил свое внимание на нас. — Документы!

Тут-то все и случилось. Откуда взялись тащивший сразу два обтянутых кожей чемодана рыжий парень и едва поспевавшая за ним чернявая девица, внешностью чем-то напоминавшая галку, я не заметил, отвлекся, доставая сопроводительные бумаги.

— Куда прешь?! — возмутился жандарм, загораживая дорогу растрепанной парочке.

— Третий! — крикнул запыхавшийся после быстрого бега парень. — Третий вагон! Замешкались!

— Замешкались они! — недовольно проворчал унтер, но билеты у рыжего все же принял.

И — жахнуло! Окна третьего вагона разом вышибло все до одного, полыхнуло внутри; и сразу выплеснулось наружу, принялось лизать борта оранжевое пламя. Следом осыпалось на брусчатку остекление крытого перехода над путями, мелькнуло и заколыхалось на легком ветру красно-черное полотнище анархистов, захлопали выстрелы.

Первым, как ни странно, среагировал на случившееся рыжий парень — он ухватил подругу за руку и утащил ее за ближайшую колонну. Унтер не последовал за ними, вместо этого сорвал с плеча оружие, но открыть стрельбу не успел, сразу дернулся и ничком повалился на пыльную мостовую; вокруг его головы начало быстро растекаться кровавое пятно.

Следующая очередь прошла чуть выше, от стены полетели куски выбиваемой пулями штукатурки, и Аркаша ухватил пистолет-пулемет, метнулся с ним за гипсовую клумбу, Лев тоже не сплеховал и потянул наших спутниц под укрытие колонн, а вот я оказался попросту не в силах принять случившееся.

Взрыв, пожар, стрельба...

Жандармы вскинули винтовки и слаженно пальнули, но если один укрывался за простенком и лишь выглядывал из двери, то второй остался на открытом пространстве и потому

сделался первоочередной мишенью анархистов. В грудь бойца железнодорожного корпуса угодило сразу несколько пуль, он всплеснул руками и упал, тогда загрохотал, задергался пистолет-пулемет в руках приподнявшегося над клумбой Аркаши.

«Зарница!» В памяти сами собой всплыли знания, полученные на военных играх, я ухватил унтера за кожаный ремень портупей и в несколько судорожных рывков затащил его за колонну ко Льву и девушкам.

Увы, Лии хватило одного только взгляда на простреленную голову, чтобы вынести вердикт:

— Мертв!

И я не стал тратить время попусту, вместо этого рванул застежки кожаного подсумка. Аркаша в несколько длинных очередей сжег все патроны и теперь с разряженным оружием оказался в самой настоящей западне: анархисты палили по нему безостановочно, от клумбы во все стороны летели куски гипса, воздух заполонила белая взвесь.

Я выудил из подсумка прямой и узкий магазин, снаряженный пистолетными патронами, и крикнул:

— Аркаша! Держи!

Глазомер не подвел, магазин ударился о камни и отскочил к Аркадию. Тот ухватил его и принялся перезаряжать пистолет-пулемет, я же расстегнул кобуру на ремне унтера и вытянул из нее массивный вороненый револьвер.

— Дай! — протянула руку Инга, и даже мысли не возникло отказать.

Стреляла она куда лучше моего; знал это по совместным вылазкам в тир. Впрочем, «лучше моего» стреляли в ячейке решительно все, разве что за исключением Лии, и то не факт.

Инга перехватила револьвер двумя руками, высунулась из-за колонны и выпустила по засевающим на переходе анархистам сразу несколько пуль. Аркаша поддержал ее длинной очередью и рванул к нам, продолжая палить на бегу. Когда он стремительным броском проскочил открытое пространство и укрылся за колонной, на меня накатило облегчение и начал понемногу отпускать шок, сердце застучало бешено часто, зашумело в голове, сделались ватными ноги.

Вот только ничего еще не кончилось, кровавое безумие только начинало набирать обороты. Перезарядивший трехлинейку жандарм не сумел даже толком выглянуть из двери: лишь сунулся наружу и тут же спрятался обратно, когда в лицо полетели щепки измочаленного пулями косяка, а пламя со

взорванного вагона уже перекинулось на соседние. Их пассажиры, давя друг друга, выскакивали наружу прямо под выстрелы анархистов. В паникующей толпе появились новые жертвы: кого-то уложили наповал сразу, кого-то попросту затоптали.

Убитых наверняка оказалось бы несравненно больше, но тут послышался рык мощного автомобильного движка, из-за здания вокзала к железнодорожным путям выкатился броневик; его башенка повернулась, длинной дульной вспышкой полыхнул ствол пулемета.

Крупнокалиберные пули легко прошли галерею, посыпались обломки досок и рам, осколки чудом неповрежденных до того стекол, но кто-то из анархистов все же уцелел, вниз полетели гранаты, и, уж не знаю, пробили осколки железные листы бронированного автомобиля или наводчику перекрыли обзор клубы пыли, только грохот коротких очередей мигом смолк, и броневик рывком сдал назад.

Тут-то из дверей вокзала и выскочил растрепанный молодой человек в светлом парусиновом костюме. Он выбежал на залитый кровью перрон и вскинул левую руку, будто пытался отгородиться от обстрела.

Будто пытался? Или же — отгородился?!

Витавшая в воздухе пыль пошла волнами, словно ее толкнуло невидимым щитом, а в отставленной в сторону правой руке незнакомца как по волшебству сформировался сгусток шаровой молнии. С каждым мгновением он искрился все ярче, ярче и ярче, и хоть анархисты открыли беспорядочную стрельбу, в цель не угодила ни одна из пуль.

При попадании в мерцающую защиту те не отскакивали, не плющились и не рикошетили — лишь полностью теряли скорость и мертвыми свинцовыми осами падали на брусчатку, звенели и раскатывались в разные стороны. Всякое столкновение оставляло на энергетическом щите мутное пятно, от них начали расползаться и соединяться в сеть белесые прожилки, и тогда молодой человек резким взмахом руки отправил шаровую молнию в переход над железнодорожными путями.

И вновь грохнуло! Взрыв прозвучал не так басовито, как первый, но галерею попросту разнесло на куски, словно в нее угодил фугасный снаряд!

Вот тогда-то в моих приоритетах и произошли сдвиги воистину тектонических масштабов. Меркантильные интересы и любовные чаяния оказались сметены осознанием того просто-

го факта, что я и сам хочу обладать подобной властью, желаю управлять сверхэнергией, а не просиживать штаны в бухгалтерии какого-нибудь заштатного завода. Более того — это мое новое устремление отнюдь не было пустыми мечтаниями и я обладал реальной возможностью желаемое обрести.

Дело оставалось за малым — не провалить инициацию и пережить свой первый резонанс.

ГЛАВА 2

На инициацию мы опоздали. Не окончательно и бесповоротно, и не мы одни, но из-за муторных следственных действий и долгого ожидания нового состава весь заранее утвержденный график отправился прямиком псу под хвост.

Вопреки первоначальным планам в Новинске не задержались ни на час, прямо на вокзале оставили в камере хранения багаж и в срочном порядке выдвинулись к Эпицентру. С автобусами тоже не сложилось, нас — усталых и вымотанных долгой дорогой — погрузили в обычные грузовики. Впереди катил кургузый двухосный броневик на высоких колесах с ребристыми протекторами, замыкали колонну машина с солдатами и еще одна полупортка с зенитной установкой в кузове.

Столь серьезные меры безопасности больше не казались чрезмерными, теперь они не удивляли, а лишь заставляли ежиться в ожидании нового нападения. Помимо всего прочего, на крышах кабин грузовиков были смонтированы вертлюги с ручными пулеметами. Сопровождавший нас боец сразу приладил на свое оружие диск с патронами, но нервозности не выказывал, спокойно сидел на приступке и смолит папиросу.

Как я уже успел заметить, весь автотранспорт был отмечен одинаковыми эмблемами в виде стилизованной модели атома, такой же символ с парой узких поперечных нашивок обнаружился на шевроне пулеметчика, а вот погон на зеленовато-песчаного оттенка гимнастерке не было вовсе, как не имелось и кокарды на панаме.

Солнце висело в зените и не на шутку припекало, поток встречного воздуха был горячим, в лицо летела поднятая колесами головных машин пыль. Девушки прикрыли лица косынками; я придерживал фуражку, не позволяя ветру сорвать ее с головы. После бессонной ночи на тряской дороге начало ука-

чивать: то и дело клевал носом, несколько раз даже едва не падал с протянувшейся вдоль борта лавочки.

— Эх, а на дирижабле или пассажирском аэроплане давно бы на месте были! — мечтательно вздохнул Аркаша. — Не пришлось бы на паровозе через всю страну неделю тащиться. И это нас еще экспрессом отправили!

— Был бы у тебя папа инженер, летал бы на дирижабле, — рассмеялся Лев, но из-за жары и усталости дружеская перебранка увяла, толком не успев начаться.

Я задремал и какое-то время даже кемарил — встрепенулся, когда над головой низко-низко прошло звено истребителей. Показалось даже, будто сумел разглядеть головы летчиков.

— «Чайки»! — на глаз определил марку бипланов Аркадий и обратился к пулеметчику: — Беспокойно тут у вас?

Тот последний раз затынулся и выкинул окурочек за борт кузова.

— Да не, у нас — тишина и спокойствие! Положено, вот и сопровождаем.

— А как же анархисты?

Боец непонятого подразделения беспечно пожал плечами.

— А что — анархисты? Где мы и где они? Тут особо охраняемая территория, не баран чихнул! Сюда никому постороннему ходу нет!

— Чего они к нам вообще привязались? — спросила Лия.

Пулеметчик даже головой покачал.

— Ну, барышня! Вы же из политически подкованных, неужто с убеждениями этих поганцев незнакомы? Каждый человек свободен ровно настолько, насколько это не ограничивает свободу других, так?

Лев при этих словах аж рот от удивления разинул. Нет, главный постулат анархистов для него откровением вовсе не стал, просто очень уж удивительно оказалось услышать подобную сентенцию из уст неотесанного солдафона. И сразу возник резонный вопрос: а так ли тот неотесан?

Мне даже стало интересно, в каком подразделении он служит, но постеснялся спросить, промолчал.

— А мы тут при чем? — поинтересовалась Инга. — Какое отношение мы имеем к их свободе?

— Конкретно вы, барышня, не имеете, — с улыбкой ответил пулеметчик. — Но это пока. А вот после инициации из лю-

дей заурядных вы с товарищами перейдете в разряд неординарных. Смекаете?

— Нет! — отрезала Инга, которую явственно покорило обращение «барышня».

— Ну о каком равенстве прав и свобод может идти речь после обретения вами сверхспособностей? Просто так, что ли, университетские умники трубят о неминуемом наступлении диктатуры сверхлюдей?

— Чушь какая! — фыркнула Инга и отвернулась.

Дальше какое-то время ехали молча. Сонливость понемногу отступила, и я украдкой поглядывал на девушку, но вскоре утомился протирать стекла очков от пыли, да и припекало чем дальше, тем сильнее; из-под фуражки потек пот, гимназическая гимнастерка на спине и под мышками стала неприятно влажной. Поток встречного воздуха нисколько не помогал, наоборот — на зубах уже так и скрипело от мелких песчинок.

Сначала ехали по степи с выжженной солнцем травой, затем за правой обочиной потянулись перелески, а слева начали вырастать поросшие кустами холмы. Постепенно заросли становились все гуще и гуще, а потом чуть ли не разом высокие деревья сгнули и кругом зазеленел густой молодняк.

— Шестидесятый километр, — пояснил пулеметчик. — До этого самого места от Эпицентра выброс дошел, все деревья повалило. Но это не везде так.

Грузовики на полной скорости проскочили по мосту через узкую речушку, и тогда наш сопровождающий приподнялся с приступки и принялся всматриваться куда-то назад, но почти сразу успокоился и уселся обратно. Как выяснилось некоторое время спустя, внимание его привлек нагонявший колонну мотоциклист. На неплохой скорости тот обошел нас по обочине, и в глаза бросилась странная конструкция «железного коня», а именно — непривычная форма бензобака и полное отсутствие трубы глушителя. При этом мотор отнюдь не ревел, и его негромкое стрекотание полностью потерялось на фоне гула автомобильных движков.

— Да как так-то? Что за модель такая?! — не удержался я от удивленного возгласа.

Пулеметчик самодовольно улыбнулся.

— Экспериментальная, на электрическом ходу! Шесть лошадак, между прочим!

— Да ерунда! — не поверил Лев. — Аккумулятор больше самого мотоцикла должен быть!

— Тю-у! — протянул боец. — Нет там аккумулятора! Движок мотоциклист напрямую сверхэнергией запитывает. Для операторов шесть лошадиных сил — это плюнуть и растереть, хоть час ехать могут, хоть два! Устанет, конечно, но примерно как на велосипеде.

— Обалдеть! — только и протянул я, донельзя впечатлительный услышанным. — Вот это дело! И на бензин тратиться не надо!

Увлекавшийся мотоспортом Аркадий озадаченно покачал головой.

— А не шутишь? Никогда раньше таких не видел!

— Откуда бы? — усмехнулся пулеметчик. — Большинство операторов сверхэнергии в Новинске живет. Даже в столице меньше, пусть и не на порядок.

— А сколько их вообще всего? — полюбопытствовал Лев.

Боец озадаченно поправил панаму.

— Вот ты спросил! Насколько знаю, в год что-то около десяти тысяч соискателей со всей страны набирается, когда больше, когда меньше. И еще тысячу иностранцев по соглашению с Лигой Наций принимают.

Лева задумался.

— Если нынче у нас тридцатая годовщина...

— Экий ты быстрый! — с ходу прервал эти подсчеты пулеметчик, смял зубами бумажный мундштук папиросы, закурил и лишь после этого снизошел до пояснений: — С резонансом только перед войной разобрались, а спираль и того позже проложили.

— Спираль?

— Сами скоро все увидите! — отмахнулся боец, сплюнул табачные крошки и задумчиво глянул в небо. — Тысяч сто пятьдесят — двести, наверное, наберется тех, кто в резонанс войти сумел и обучение до конца довел. Но это не точно.

— А за границей как? — поинтересовалась Лия.

— Да кто ж этих басурман знает? — развел руками пулеметчик. — Говорят, они там друг другу глотку готовы перегрызть, лишь бы инициацию пройти.

— Нихонские милитаристы именно поэтому и вторглись в Джунго! — блеснул эрудицией Лев. — На оккупированных территориях расположен четвертый по мощности и третий из доступных источник сверхэнергии! В журнале «Вокруг света» об этом была статья!

Тут дорога пошла в обход высокого холма, а когда тот остался позади, автоколонна вновь выкатилась на равнину. Там, сколько хватало взгляда, зеленели небольшие рощицы, а в небе неспешно дрейфовали сразу два дирижабля. И явно не пассажирских — на обшивке ближнего отчетливо виднелась точно такая же эмблема, что и на борту броневика, а надпись гласила «ОНКОР-11».

— Почти приехали, — уверил нас боец и не обманул: уже минут через пять колонна добралась до небольшого населенного пункта с лаконичным названием «Сорок шестой километр».

— А где Эпицентр? — спросил Аркадий, с интересом оглядываясь.

— Там! — махнул пулеметчик на восток.

Я присмотрелся, но ничего необычного в указанном направлении не заметил. Если только небо чуть светлее показалось да слегка глаза заломило, но и только.

— Да не пяльте зенки! — одернул нас боец. — Ничего отсюда не увидите и не почувствуете. Кордон неспроста именно здесь поставили. На заставах у Эпицентра сутки через трое люди дежурят, иначе проблемы начинаются — у кого со здоровьем, у кого с головой. А тут нормально — жить можно.

Мы откинули задний борт и помогли спуститься девушкам, затем построились в тени ближайшего здания. Немного дальше в степи виднелись бетонные купола долговременных огневых позиций, а на некоторых крышах уставились в небо спаренные стволы зенитных установок, и я усомнился в словах сопровождающего, будто вооруженную охрану нам придали исключительно по причине заведенных руководством порядков.

Впрочем, эти мысли недолго занимали меня, очень уж сильно навалилась жара, стоило только пропасть потоку встречного воздуха, даже голова кружиться начала. Ладно хоть еще обошлось без проволочек, и почти сразу соискателей стали вызывать из строя одного за другим.

Во всех машинах набралось человек сто, поэтому переключка долго не продлилась, уже минут через пять я влил в себя кружку теплой воды и оказался наделен чистой книжкой личного учета, комплектом одежды и мешком для старых вещей.

— Инга, тут душ! — донесся от женской раздевалки крик Лии, и я поспешил в раздевалку мужскую, да только там цари-

ло сущее столпотворение и соискателей запускали споласкиваться чуть ли не по секундомеру.

Расслабиться не получилось, но хоть освежился. Выданные хлопчатобумажные штаны и рубаша с длинным рукавом подошли по росту, при этом оказались слишком широкими и напоминали то ли больничную пижаму, то ли тюремную робу, как ее принято изображать в газетных карикатурах. Не хватало разве что вертикальных полос, да к шапочке с плоским верхом непонятно для чего пришили завязки. Надевать ее не стал; как и все, вышел в коридор с непокрытой головой.

В вестибюле пришлось выстоять еще одну очередь, на этот раз — к секретарю. Тот выискивал соискателя в списке и вписывал необходимые данные в книжку личного учета, а заодно присваивал номер, который его помощник тут же наносил на рубашу и мешки с личными вещами.

Меня обозначили, как «38/4573».

Дальше все шло в фотостудию, где делали снимки анфас и в профиль, а заодно снимали отпечатки. Я не на шутку встревожился, когда мне вымазали подушечки пальцев тушью и велели приложить их к соответствующим листкам учетной книжки. Вкупе со странной одеждой предчувствия возникли самые нехорошие.

— Зачем это еще?! — возмутился рыжий парень — тот самый, который так удачно опоздал в злосчастный третий вагон. Звали его, как успел узнать, Антоном.

Седовласый старичок поднял равнодушный взгляд и вздохнул.

— Ну а как иначе, молодой человек? Вот напутаете вы с этими своими энергиями и как потом ключья мяса опознавать без отпечатков пальцев?

Сказано это было столь равнодушным тоном, что я поверил в объяснение сразу и безоговорочно.

Как-то резко расхотелось управлять «этими своими энергиями», но удержался, не поддался панике. Оттер пальцы от туши, перешел в следующий кабинет и оказался на приеме у стоматолога. Тетка средних лет с удивительно мощными руками велела сесть в кресло, откинуть голову и открыть рот. Я напрягся, но прием ограничился осмотром зубов с помощью зеркала да диктовкой какой-то абракадабры медсестре.

— Свободен!

Второй раз просить не пришлось, и я спешно покинул кабинет, а в коридоре столкнулся с Ингой и Лией. Девушкам вы-

дали столь же бесформенные штаны и рубахи, только им еще пришлось подворачивать рукава и штаны. Улыбнулся бы, да было не до того.

Медкомиссия! Я вдруг сообразил, что мы проходим медицинское обследование, и снял очки, растерянно протер стекла полрой рубахи.

Могут ли отсеять соискателя уже на этом этапе — вот в чем вопрос. Могут или нет?

подавив невольную дрожь, я прошел еще пару специалистов и пристроился в конец небольшой очереди в последний кабинет с терапевтом. Следом подошли Лев и Аркадий, а вот девушки скучковались в другом конце коридора — их принимал свой специалист.

— Жарко! — сказал Аркаша и принялся обмахиваться учетной книжкой.

Лев потел ничуть не меньше товарища, но беспокоился совсем по другому поводу.

— Интересно, инициация сегодня будет? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Тридцатое июня — последний оптимальный день...

Поинтересоваться, с чего это он взял, я не успел, поскольку подошел мой черед идти на прием. В просторном светлом кабинете за столом сидел профессорской внешности дядечка-врач, ассистировала ему симпатичная медсестра лет двадцати на вид со светлыми волосами, подстриженными коротко, точь-в-точь как у Инги.

Обратил на это внимание, когда передавал учетную книжку врачу, а еще подметил, что в кабинете отсутствует таблица для проверки зрения. Это как-то немного успокоило.

— Разувайтесь, — попросила медсестра, а стоило мне выполнить распоряжение и прижаться спиной к стене рядом с планкой для измерения роста, объявила: — Сто восемьдесят пять сантиметров.

После пришла очередь измерения веса. Медсестра уравновесила устройство, сдвинув гирьку по рейке с делениями, и поджала губы.

— Пятьдесят семь восемьсот, — оповестила она врача и сочла нужным добавить: — Недобор массы тела.

— Не страшно! — благодушно улыбнулся дядечка, делая в моей учетной книжке новую запись. — Были бы кости, мясо нарастет!

Спорить с врачом медсестра не стала и попросила:

— Раздевайтесь.

Я стянул через голову рубаху, положил ее на свободный стул, затем избавился от штанов, и тогда последовало уточнение:

— Полностью, пожалуйста.

Справиться с замешательством и завязками удалось далеко не сразу, но все же стянул черные ситцевые трусы и кинул их на стул к остальной одежде, оставшись в чем мать родила.

Девушка с абсолютно невозмутимым видом опустилась передо мной на колени и принялась нажимать пальцами на пах, затем отработанным движением оттянула с головки крайнюю плоть, сразу вернула ту на место и выпрямилась.

— Без особенностей, — оповестила она доктора, и тот шлепнул в мою учетную книжку соответствующий штамп.

— Внутренние патологии?

Затейливый жест медсестры обернулся легким жжением в области темени, и лишь крайнее удивление позволило сохранить невозмутимость, когда начавшая опускаться волна тепла миновала пупок и ушла ниже.

— Без патологий!

И вновь к желтоватой бумаге приложился очередной штамп.

— Замечательно! А что у нас, Валечка, с особыми приметами?

Медсестра смерила меня оценивающим взглядом и начала перечислять:

— Нависающие надбровные дуги, глаза серые, с оттенком зеленого, короткие мочки ушей, над левым соском — черное родимое пятно диаметром пять миллиметров.

Девушка опустила глаза, и я ощутил, как к щекам приливает кровь, но ничего вроде давешнего «без особенностей» не прозвучало, был отмечен вертикальный шрам над правым коленом в три сантиметра длиной, а затем меня попросили повернуться спиной. Там отметили еще пару родимых пятен, и лишь после этого прозвучало долгожданное:

— Надевайте трусы, проходите к столу.

А стоило только выполнить распоряжение, как медсестра что-то негромко прошептала. Я вздрогнул и развернулся к ней.

— Что, простите?

— Число расслышал? — уточнил доктор.

Я собрался с мыслями и сказал:

— Шестнадцать.

Тут же девушка сказала еще даже тише прежнего:

— Сорок восемь.

Но на этот раз я был к чему-то подобному готов и повторил число без всякого труда. Доктор шлепнул в учетную книжку новый штампик, велел закрыть глаза и коснуться указательными пальцами кончика носа. Затем пришлось проследить за движением молоточка, после этим же молоточком меня постукали по коленям и разрешили вставать и одеваться.

— А книжка? — спросил я, прежде чем покинуть кабинет.

— Останется у нас, — объявил дядечка. — Свободен!

Я вышел в коридор, меня сменил Аркаша, а Лев удивленно спросил:

— Ты чего такой красный?

— Сам увидишь, — сдавленно выдал я и поспешил к выходу.

К Эпицентру выдвинулись уже во второй половине дня после не слишком плотного, но сытного обеда. Солнце припекало, и пришлось надеть шапочку, да еще и затянуть на бантик завязки, чтобы ту не сорвало с головы потоком встречного воздуха.

Четверть часа спустя попался пропускной пункт с отметкой «Двадцать пятый километр», сразу после него потянулись полосы распаханной земли, будто государственную границу обустроили. Приложив ладонь ко лбу козырьком, я присмотрелся, но конца контрольно-следовой полосы не разглядел. Да и кончалась ли она вовсе или замыкалась вокруг Эпицентра кольцом? Это было бы логично.

Дрейфовавшие в небесной выси дирижабли остались позади, а потом я ощутил, как понемногу начинает прогревать изнутри непонятной природы тепло. Странное воздействие ощутили и остальные; то на одной машине, то на другой кто-нибудь перегибался через борт и принимался исторгать из себя полупереваренный обед. Мне — нормально.

Мало-помалу сделалось заметно витавшее впереди марево, воздух там словно светился, и смотреть на него стало неприятно, сразу начинало печь глаза. А в остальном — степь как степь: слева ровная как стол, справа холмистая, но и там, и там с пожелтевшей словно после долгой засухи травой.

Понемногу заломило кости и закрутило суставы, пересохла глотка, словно и не пил всего четверть часа назад. Ветер сделался неприятно сухим, он будто наждаком царапал кожу и за-

ставлял прятать в ладонях лицо. Один из наших спутников грохнулся в обморок, и Лия принялась обмахивать его, но без толку. А столбы на обочинах все мелькали и мелькали.

Двадцать... Семнадцать... Четырнадцать...

Когда впереди замаячило несколько приземистых строений, автоколонна съехала с дороги на укатанное колесами поле к уже стоявшим там трехосным машинам с вытянутыми кузовами, высокими сетчатыми вставками над бортами, открытыми кабинами и непривычно объемными бензобаками, коих у каждого автомобиля оказалось по два.

Всех, кому стало плохо в дороге — а набралось таких человек десять и еще двое попросились с ними, сразу по прибытии на место погрузили в один из грузовиков и отправили обратно, даже не став пытаться привести в чувство и оказать первую помощь на месте.

— Отсеялись, — сказал Лев, бледный, потный и весь какой-то несчастный.

У меня и самого состояние напоминало ломку при сильнейшем гриппе, но сдаваться я не собирался. Возможно, очень скоро придет сожаление о своей упертости, такое случалось со мной не раз и не два, но сейчас даже мысли не возникло отказаться от инициации. Три изначальных причины — это и без того немало, а я, помимо всего прочего, до сих пор находился под сильнейшим впечатлением от действий оператора сверхэнергии на вокзале Зимска и во что бы то ни стало намеревался сравняться с ним, а то и превзойти.

И плевать на головную боль. Сейчас все решится. Прямо сейчас!

Увы, это самое «прямо сейчас» никак не наступало и не наступало. Мужчина средних лет с двумя угольниками на шевроне хоть и распределил нас по машинам, но отдать команду на отправление ему не позволил караульный у шлагбаума.

— Сейчас не их время, господин старший лейтенант! — объявил он.

— Да еще немного — и они спекутся!

— У меня приказ!

Старший лейтенант на своем настаивать не стал и пожал плечами.

— Может, оно и к лучшему, — едва слышно проворчал он и отошел.

Пришлось ждать. От нечего делать я повертел головой по сторонам, разглядел сразу несколько затянутых маскировоч-

ной сеткой зенитных точек, топливозаправщик и броневик рядом с ним, а немного дальше — причальную мачту дирижаблей. За шлагбаумом, точнее — сразу после столба с цифрой один, дорога раздваивалась: одно ответвление шло напрямиком к Эпицентру, другое резко забирало вправо и начинало огибать источник сверхэнергии по широкой дуге.

А кругом — желтая степь и марево раскаленного воздуха над ней. И еще — ярко-голубое небо. Чистое-чистое, глубокое-глубокое, без единого облачка. Неожиданно понял, что подобного оттенка не видел ни разу в жизни. Даже закружилась голова...

Лева отбежал в сторону и согнулся в приступе рвоты, мы с Аркашей подхватили его под руки и помогли выпрямиться. Мне и самому стало как-то очень нехорошо, знобило, и пересохла глотка, но накотившая после взгляда в небо слабость понемногу отступала, на ногах я стоял уверенно и твердо.

Бросил взгляд на девушек — те укрылись от палящих лучей в тени борта и, судя по всему, чувствовали себя неплохо.

— Внимание! — повысил голос старший лейтенант. — Стройся!

Пришлось изображать подобие неровной шеренги; на занятиях по военной подготовке нам вlepили бы большой и жирный кол, но сейчас никто делать замечаний не стал. Стоим — уже хорошо.

— Отказ от претензий в случае гибели у всех родные подписали? Риск не слишком высок, но смотрите — еще есть время передумать! — заявил вдруг старший лейтенант, выждал немного и махнул рукой на восток. — Это Западный луч, прямая дорога на Эпицентр! После прохождения инициации сможете продвигаться по нему непосредственно до своего витка. А сейчас вас повезут по спирали, это займет куда больше времени, зато интенсивность излучения станет нарастать постепенно. По прямой от стартовой позиции до центра спирали тринадцать километров, а каждый из двенадцати витков приблизит к Эпицентру лишь на километр.

— А что придется делать? — послышался девичий голос. — Нам ничего не объяснили!

— Ничего делать не придется! Просто постарайтесь расслабиться! — ответил старший лейтенант, бросил взгляд на наручные часы и продолжил: — На западном направлении излучение самое слабое, на восточном — наоборот. Дорога проложена таким образом, что за южную дугу достигается пик

интенсивности витка, а на северной оно остается неизменным. Традиционно окружность разделена на квадранты и румбы, последних — тридцать два.

— Румб — это направление на морском компасе! — выкрикнул кто-то из строя.

— У моряков — направление. У нас — сектор в одиннадцать с четвертью градусов от этого румба и до следующего. Отсчет начинается с запада и идет против часовой стрелки. В первом румбе каждого витка интенсивность излучения наименьшая, к концу шестнадцатого она достигает своего предела.

У меня от столь сумбурных объяснений голова кругом пошла. А вот чуток оклемавшийся Лева лишь покивал, словно эта лекция подтвердила какие-то его догадки.

— Наши способности будут как-то зависеть от того, в какой именно момент мы войдем в резонанс? — спросил вдруг Антон — тот самый рыжий счастливчик.

Старший лейтенант поколебался немного, но на показавшийся ему неудобным вопрос все же ответил:

— Будут! И от витка, и от румба. В первую очередь — от витка.

— А какой виток самый перспективный? — продолжила расспросы чернявая девица.

— Не важно! — отмахнулся лейтенант. — Вы в любом случае не сможете контролировать процесс инициации. Мой вам совет — просто расслабьтесь!

Совет был неплох, и я бы с превеликим удовольствием ему последовал, да только нервы едва ли не звенели от напряжения. Еще и это тягостное ожидание непонятно чего...

— Дирижабль! — встрепенулся вдруг Аркадий.

Я обернулся и обнаружил, что к причальной мачте и в самом деле приближается небольшой аэростат, а его то ли сопровождают, то ли конвоируют два истребителя. Надпись на борту гласила: «Общество изучения сверхэнергии». Ниже было написано что-то куда мельче, разобрать слова не удалось. А вот Аркаша хоть и сощурился, но все же прочитал:

— «Под патронажем великого князя Михаила»... — Он скривился и сплюнул под ноги. — Контра!

Я бы тоже сплюнул, да пересохло в глотке. Контра и есть.

Великий князь Михаил на протяжении двух последних десятилетий возглавлял засевших в сенате монархистов. И пусть мой папа всерьез полагал, будто лишь нежелание этого старо-

режимного реликта содействовать возвращению из зарубежного изгнания своего венценосного кузена уберегло и уберегает республику от попыток реставрации монархии путем вооруженного мятежа, мне казалось правильным поставить к стенке всех реваншистов разом.

Один из транспортов укатил на взлетное поле, принял там полдюжины человек и вернулся к пропускному пункту. Проверка документов много времени не заняла, почти сразу шлагбаум дрогнул и ушел вверх, автомобиль резко тронулся с места, быстро набрал скорость и, заложив крутой вираж, вывернул на окружную дорогу.

— По машинам! — скомандовал старший лейтенант. — Пошли! Пошли! Быстрее! Занимайте места по правому борту!

Мы посадили Ингу и Лию, забрались следом сами и потеснились на лавке, давая возможность усесться рядом уже знакомому рыжему парню и его чернявой спутнице. Противоположную лавку заняли мужчины и женщины в возрасте от двадцати до тридцати лет в столь же невыразительных больничных одеяниях.

Нас семеро, их семеро. Очень интересно.

Я огляделся и обнаружил, что в других машинах соотношение выдерживается столь же строго. Один соискатель, один... А кто? Инструктор? Санитар? Реаниматолог? Непонятно.

Но зато стало ясно, почему инициацию проводят столь ограниченными партиями, — иначе и машин не напасешься, и персонала никакого не хватит.

— Ну, чтоб не пятьсот верст! — произнес старший в медицинской бригаде и спросил: — Все облегчились? Я серьезно — остановок не будет, придется по-морскому, с борта!

— А долго ехать?

— Кому как. Самое большее — двенадцать часов. Вода и сухой паек у нас припасены, а вот удобствами машина не оборудована, примите к сведению. И никаких шуток — остановки в пути не предусмотрены.

Инга с Лией переглянулись, спустились по лесенке у заднего борта и поспешили к выстроенному немного на отшибе отхожему месту. Я бы, наверное, тоже последовал их примеру, только понял вдруг, что ноги сделались ватными и едва ли получится проделать весь этот путь и забраться обратно в кузов.

Ничего, потерплю...

Караульный, выждав какое-то определенное время, дал отмашку, и с места тронулась первая машина, а еще минут через

пять за ней покатила следующая. Я забеспокоился даже, успеют ли вернуться девчонки, но обошлось. Стояли еще никак не меньше четверти часа, прежде чем рыкнул мощный движок и наш трехосный автомобиль выкатил на дорогу, занимая стартовую позицию.

Боец у поднятого шлагбаума вновь махнул клетчатым черно-белым флажком, и грузовик неожиданно шустро для своих немалых габаритов сорвался с места и все быстрее, быстрее и быстрее покатил к столбу, отмеченному единицей. А потом шофер принялся крутить руль, автомобиль вошел в поворот и помчался по укатанной грунтовке — той самой спирали, о которой нам и толковал пулеметчик.

Немедленно повеяло противоестественным жаром, будто к печи в литейном цехе подступил, но зной тут же отступил, сменился неприятной тяжестью. Меня словно продавливали через сгустившееся пространство — и не забивали гвоздем в доску, а процеживали через марлю рыхлым творогом.

Никак не удавалось наполнить воздухом легкие, а тело словно задеревенело, и лишь поэтому я не заорал в голос. Все, что сейчас мог, — это скрипеть зубами да стискивать пальцами край лавки. Остальным приходилось ничуть не лучше. Остальным — это претендентам, наши сопровождающие никаких неприятных ощущений, такое впечатление, не испытывали.

— Скорость? — спросил старший смены.

— Пятьдесят! — отозвался водитель и скрежетнул каким-то рычагом. — Зафиксировал!

Автомобиль мчался по грунтовой дороге необычайно ровно, словно гоночный болид на треке, но из-за этого становилось только хуже. Сбросить оцепенение никак не получалось, а изматывающее давление несильно, но все же неуклонно росло. Я словно очутился на раскрученной до предела карусели, только тут вместо центробежной силы...

Додумать спутанную мысль не успел: Лев вдруг встrepенулся и стиснул тонкими пальцами мое запястье.

— Там! — ткнул он перед собой свободной рукой. — Эпицентр там! Разве вы не чувствуете?! Да посмотрите же! Вон он!

Кто-то из медбратьев даже присвистнул от удивления.

— Поверить не могу! На первом румбе резонанс схватил! Ну и какой счастливчик его жребий вытянул?

А вот кто не напоминал счастливчика, так это сам Лева. Речь его сделалась бессвязной, он начал выкрикивать слова в

темпе пулеметной очереди, беспрестанно перескакивая с темы на тему.

— Сверхэнергия пронизывает весь мир! Ноосфера! Мы все — источники информации! Вы слишком громко думаете! Перестаньте! Прекратите немедленно!

Пальцы товарища стиснули запястье с такой силой, что показалось: еще немного — и сломаются кости, а дальше я вдруг неким иррациональным чутьем уловил непонятное мельтешение на самой границе зрения, будто бы размеренное движение автомобиля через переполненное сверхэнергией пространство вызвало к жизни странный стробоскопический эффект.

Интенсивность всполохов стала нарастать и перерождаться в колющую пульсацию, но тут старший санитар резко бросил:

— Чей он? Не спим!

Крепкий парень лет двадцати сорвался с места, приложил к лицу Льва марлю, смоченную хлороформом, тогда только стиснувшие мое запястье пальцы утратили свою стальную хватку, а секунд через десять наш товарищ и вовсе обмяк, качнулся вперед.

Санитар подхватил его, не дав упасть со скамьи, перекинул через плечо и легко выпрямился, ничуть не смущенный немалым грузом.

— Все! Пошел!

Медбрат оттолкнулся ногой от заднего борта и сиганул из кузова. Сердце сжалось в ожидании неминуемой катастрофы, но спрыгнувший на дорогу санитар даже не покачнулся, словно грузовик и не мчался со скоростью пятьдесят километров в час. Слегка присев, парень тут же выпрямился и зашагал обратно к пропускному пункту.

— Тоже так сможете, — с усмешкой бросил начальник смены, заряжая ракетницу.

— А стоит ли? — спросил кто-то из его подчиненных. — Тут идти-то!

— Правила умными людьми писаны! — возразил старший санитар, поднял руку, и с громким хлопком к небу взмыла зеленая ракета.

Меня переполняли вопросы, но стробоскоп уже погас, и вернулось изматывающее давление сверхэнергии, вновь стало трудно соображать. Каждый оборот автомобильных колес словно проворачивал винт незримого пресса, и тот с бездушной неумолимостью сминал меня все сильнее и сильнее; казалось даже — дышу через раз. Тут не до разговоров...

Дальше все запомнилось урывками. В какой-то момент степь перестала быть ровной словно стол, начали попадаться холмы, зазеленели кустарник и невысокие деревца, а потом солнце вдруг как-то разом очутилось за правым плечом. Дальше небольшие рощицы превратились в лес, и вот уже короткая тень побежала впереди автомобиля. А на обочинах мелькали, мелькали и мелькали верстовые столбы.

Но не верстовые, конечно же нет. Столбы отмечали румбы.

Отпускать начало на семнадцатом. Противоестественное давление никуда не делось, просто его интенсивность перестала нарастать. Понемногу я даже свыкся с ним — словно человек на страшной глубине, едва не раздавленный толщей вод, дальнейшее погружение которого приостановилось, и гибель перестала казаться неминуемой.

— О! — обрадовался старший санитар. — Выплыли? Чай, вода, сэндвичи?

При этих словах сидевший на краю скамьи рыжий Антон перегнулся через задний борт и ясно дал понять, что сейчас ему не до еды. Впрочем, у меня никакого аппетита не было тоже.

— Пить... — прошептал я пересохшими губами, и один из санитаров сунул в руку железную кружку.

Вода оказалась невкусной и слишком теплой, немного даже замутило. Решил в следующий раз просить чая. Если, конечно, успею снова захотеть пить. Если раньше не накроет резонанс...

Аркаша тоже напился, повернулся к Инге и спросил:

— Ты как?

Девушка слабо улыбнулась в ответ.

— Все хорошо.

Лия держала кружку двумя руками, и те ходили ходуном, хоть машину почти не трясло.

— Вы тоже слышите их? — спросила она вдруг. — Голоса! Никак не могу разобрать, что они говорят!

Я ничего подобного не слышал, наоборот — уши словно заложило, и Аркадий тоже покачал головой, а вот Инга задумалась и сказала:

— Не голоса. Это как камертон...

— Ну-ка, цыц! — разозлился вдруг старший санитар. — Первый резонанс у всех разный, не сбивайте друг другу настрой!

Разговор сразу сошел на нет. Холмы остались позади, дорога нырнула в низину, и с обеих сторон к обочинам подступила тайга. Сознание оставалось ясным, только навалилась непонятная апатия. Жарило просто немилосердно, но пить не хотелось, и как-то незаметно я задремал.

Очнулся, когда солнце принялось светить в лицо. Теперь грузовик вновь мчал по степи с редкими пятнами зелени, и уже ничего не напоминало о непролазной тайге. Ландшафт менялся как-то слишком стремительно — едва ли я пребывал в забытьи дольше пятнадцати минут.

Я попытался припомнить курс геометрии и высчитать протяженность первого, самого длинного витка, но в итоге сбился и точного результата не получил, понял только, что речь идет примерно о восьмидесяти километрах.

О-хо-хо... Полтора часа на жесткой лавке под палящим солнцем — это и без всякого резонанса сущая пытка!

Впереди замаячила пыльная полоса Западного луча, и старший санитар взглянул на часы.

— Ну что, детишки, готовы ко второй завесе?

Мелькнул столб с цифрой два, автомобиль пересек радиальную дорогу, и я словно рухнул в озеро после прыжка из гондолы зависшего в неведомой выси дирижабля. Плашмя. Но просто уйти на дно не позволили, взяли на буксир и потянули, да так, что трением сдирало плоть с костей.

Привыкнуть к такому было попросту невозможно, не привык к этому и я, просто впал в какое-то странное оцепенение. И вынырнул из него лишь к концу семнадцатого румба.

На этот раз попросил чая.

— С сахаром? Или рафинад вприкуску?

От одной только мысли о сладком замутило, и я замотал головой.

— Чай! Просто чай!

Остальные тоже очухались, только на этот раз никто не стал распространяться о своих впечатлениях, ехали молча. Как ни странно, чувствовал я себя примерно так же, как и на северной дуге первого витка. Пусть мы и стали ближе к Эпицентру на целый километр, никаких новых неприятных ощущений это обстоятельство не принесло.

Но все еще изменится. Впереди нас ждала третья завеса.

И я понял — не хочу. Не желаю терпеть эту пытку и дальше, изнывая от жары и тряски на жесткой лавке. Только не в ситуации, когда достаточно лишь попросить, и один из санита-

ров сиганет со мной из кузова, а там уже ничто и никто не помешает улечься на траву и наконец-то расслабиться.

Что удержало? Да уж точно не полтора витка, оставшиеся позади, и даже не восьмидневная поездка в плацкартном вагоне!

Что тогда? Боязнь разочаровать товарищей и уронить себя в глазах Инги? Мои три заветных мотива? Лишь недавно осознанное желание обрести истинную силу?

Нет, нет и нет! Ничего из этого не смогло бы заставить набраться терпения, спасла положение банальная логика. Ну а как иначе? Сейчас я на всех парах несусь к Западному лучу, откуда до пропускного пункта останется пройти два километра по прямой. И какой тогда смысл суетиться раньше времени, если и без того двигаюсь в нужном направлении? Опять же, резонанс может случиться буквально в любой момент, Лева тому примером.

А ну как получится пройти инициацию еще до конца этого витка? Нет, ну а вдруг?

Где-то впереди в воздух взлетела зеленая сигнальная ракета, а минут через пять мы проскочили мимо стоявшей на обочине парочки: санитары и его подопечного. Последний проводил нас каким-то совсем уж тоскливым взглядом, и стало ясно: этот не вошел в резонанс, соскочил, не дотерпев до Западного луча.

И я скривился в горькой ухмылке, радуясь собственной предусмотрительности. Все же хорошо обладать рациональным складом ума и не позволять эмоциям брать верх над разумом.

Пересохшие губы лопнули, выступила кровь, но это настроения мне испортить уже не смогло. Я умный и предусмотрительный — чего не отнять, того не отнять.

Лучше немного потерпеть, но зато не придется ждать попутный транспорт, и получится дойти до пропускного пункта своим ходом. Хватит с меня этих машин. На всю жизнь за сегодня наездился!

ГЛАВА 3

Когда впереди замаячил столб с цифрой три, я испытал... разочарование. Всерьез ведь рассчитывал войти в резонанс до конца витка, но никакого отклика не уловил. А между тем

тридцать второй румб на исходе, вот-вот на новый заход пойдём.

Я медлил и выжидал, кусал губы, прислушивался к собственным ощущениям. Три часа пытки. Сто восемьдесят минут тряски на жесткой лавке. Десять тысяч восьмьсот секунд изматывающего зноя. И что — все впустую, все напрасно?

Инга, государственные льготы, компания единомышленников. Власть.

А еще — полный тоски взгляд сдавшегося соискателя. Вспомнил его — и передернуло. Ерунда, конечно. Не мог ничего такого разглядеть и сам все придумал, но будто наждаком меж лопаток продрало.

В резонанс проще всего войти на завесе, так неужели не потерплю один румб? Сколько это на третьем витке — километра два? Не так уж и долго возвращаться придется, если выйду из игры чуть позже!

И я упрямо стиснул зубы. Миг спустя передумал и о своей упертости пожалел, но Западный луч уже остался позади, мы пошли на третий виток, и на сей раз меня не проламывало через незримую завесу — сверхэнергия беспрепятственно проникла в организм, потекла по венам и артериям вместе с кровью, изменяла и жгла.

Но и прежнее давление никуда не делось, просто теперь начало распирает изнутри. Пропорции тела нарушились, руки и ноги стали слишком длинными, а голова с каждым мигом все сильнее разбухала и грозила взорваться. Из носа потекла кровь, глаза едва не вываливались из орбит, язык во рту разбух так, что я оказался не в состоянии вымолвить ни слова. И вместе с тем прекрасно отдавал себе отчет, что эти невероятные метаморфозы иллюзорны и в действительности с моим физическим телом не происходит ровным счетом ничего необычного. Вот только это не отменяло того простого факта, что еще немного — и взорвется голова...

Сдался я на втором румбе третьего витка. Просто не смог больше терпеть. Да и не видел смысла. Это не мое. Это не для меня. Никакое могущество не стоит того, чтобы подвергать себя подобным мучениям.

Наверное, я бы даже сумел в итоге выдавить просьбу ссадить, но тут где-то впереди свечой в небо ушли сначала оранжевая, а за ней и красная ракеты. Потом и вовсе донеслась частая-частая стрельба.

— Если что — объезжай по целине! — приказал старший санитар водителю, и тот опустил на лицо мотоциклетные очки. Его напарник без промедления откинул лобовое стекло на капот и разложил сошки ручного пулемета, после деловито изготовил оружие к стрельбе.

Лезть со своей просьбой я просто-напросто побоялся. И постеснялся, конечно, тоже, но в первую очередь промолчать заставил именно страх. В кого стреляли и собираются стрелять? Что тут вообще происходит?!

Минут через пять мы проскочили мимо распростертого на обочине тела. Одет человек был не в одну из стандартных белых «пижам», а в нечто, напоминавшее смесь комбинезона и ливреи, тогда кто-то из санитаров уверенно произнес:

— Благородные начудили.

Вновь послышалась стрельба, но уже откуда-то со стороны второго витка, и вновь я промолчал, решив еще немного потерпеть. Хотя бы пару румбов...

Ближе к концу первого квадранта наш автомобиль промчался мимо санитаря, стоявшего рядом со своим присевшим на обочину подопечным. Он помахал рукой, и стало ясно, что тут с инициацией проблем не возникло. А дальше почти сразу попался еще один успешно вошедший в резонанс соискатель.

От беспрестанного давления сверхэнергии меня мучило и тошнило; я судорожно стиснул занемевшими пальцами край лавочки, наверное, даже раскачивался и что-то неразборчиво мычал. Или нет. Не помню.

Главное — внутри крепла уверенность. Раз не размазывает о незримую преграду, раз наполняет энергия — значит, вот-вот войду в резонанс. Надо лишь самую малость подождать. Совсем немного, еще чуть-чуть. К тому же рациональная часть моего сознания упрямо талдычила, что мы отмахали от Западного луча никак не меньше двадцати пяти километров, и уже рукой подать до северной дуги с ее вполне приемлемой стабильностью.

Так почему бы и не потерпеть? Смогу ведь? Смогу, да? Справлюсь?

На семнадцатом румбе я выдул кружку чая и две — воды. Все выпитое моментально выходило с потом, да еще продолжала понемногу сочиться из носа кровь. По рубашке на груди расплзлось бурое пятно, оно уже подсохло по краям, ткань там встала колом.

Аркаше тоже пришлось несладко, остальные переносили этот виток несравненно лучше, и я задумался, не станет ли проще на следующем мне самому, но сразу выкинул эти мысли из головы. Никакого «следующего витка» не будет. Мне — до Западного луча! Точка!

На подъезде к радиальной дороге грузовик заметно дернулся, и мотор его зазвучал чуть иначе. Забрехала надежда, что дело — в технической неисправности и перегревшийся движок вот-вот выйдет из строя, тогда все решится без всякого моего участия, и впоследствии не придется краснеть, вспоминая постыдную слабость. И домой мы отправимся все вместе. Не я один, а сразу все!

Вот и уговорил себя еще немного потерпеть и даже гордился силой воли секунду или две. Четвертая завеса обернулась разлитым в пространстве статическим напряжением — мигом встали дыбом волосы, забегали по коже разряды, задержали судороги. И всякий последующий укол оказывался сильнее предыдущего!

Взвыл бы в голос, да свело челюсти и перехватило дыхание. Но это у меня. Лия неожиданно вскочила на ноги и заголосила:

— Уберите их! Уберите их с меня! Да помогите же!

Девушка принялась стряхивать с одежды что-то, видимое ей одной, и далеко не сразу я осознал, что это не воображаемые жуки или змеи, а сгустки оранжевого пламени.

Подвернутые рукава рубахи загорелись, и старший смены рывкнул:

— Гасите ее! Живо!

Но никто не стал обливать Лию водой. Сидевший напротив санитар воткнул ей в шею шприц и разом впрыснул все его содержимое, до упора утопив поршень, а пришедшая ему на смену тетка лет тридцати обернула девушку плотным полотенцем с какой-то огнеупорной пропиткой, вроде бы даже асбестом.

В следующий миг санитарка подхватила Лию на руки и выпрыгнула из кузова — только мы их и видели. Я бы попросился следом, но не смог. Меня трясли судороги.

Старший смены выплеснул на обугленный участок скамьи кружку воды и покачал головой.

— Стихийный пирокинетик, подумать только! — А когда позади остался столб, отмечавший границу второго румба, спросил у водителя: — Что со скоростью?

— Сорок восемь. Порядок! — последовал уверенный ответ, и мы помчались дальше.

Движок и не думал перегреваться, работал как часы. 3-за-раз-за...

На пятом витке что-то неладное стало твориться со зрением. На самом деле я по обыкновению загадал доехать лишь до конца четвертого, но в последний миг снова передумал. Тут и там в небо взлетали зеленые, желтые и оранжевые сигнальные ракеты; счастливики, сумевшие войти в резонанс, попадались на глаза куда чаще прежнего. А я, чего греха таить, безумно хотел войти в их число. И слишком много всего перенес, чтобы упустить эту уникальную возможность из-за недостаточного упорства.

Но на очередной завесе меня так и не зацепило. И не зацепило никого из моих спутников, а вот соискателей из других машин на обочинах я насчитал полный десяток. До заветной цели оставалось рукой подать, скрипнул зубами, продолжил терпеть.

Если разобраться, чувствовал себя относительно неплохо. Быть может, дело было в очередном понижении скорости грузовика или просто начал привыкать организм, но больше не казалось, что сейчас расплывит о сгустившееся пространство или взорвусь изнутри. Только вот глаза...

Глаза пекло сильнее с каждой минутой, из них катились слезы, но видел я при этом все предельно четко. Болезненно резко, если уж на то пошло. Когда украдкой глянул на Ингу, ее профиль еще долго возникал цветной фотографией всякий раз, стоило только смежить веки.

В любой другой момент лишь порадовался бы этому обстоятельству, теперь же изображение жгло каленым железом. И еще вдруг понял, что глаза у девушки самые обычные — карие, а вовсе не искрящиеся сапфировой синевой, как почему-то думалось раньше.

Это невесть с чего не на шутку огорчило, словно сейчас не имелось несравненно более серьезных поводов для душевных волнений, вроде непонятно с чего прорезавшегося сверхзрения. Уж не знаю, каким чудом удалось сдержаться и не выдавить пальцами глаза, до того невыносимую боль вызывал каждый взгляд. А стоило лишь зажмуриться или даже просто моргнуть — и становилось только хуже.

Да пропади пропадом этот резонанс!

Как обычно, неприятные ощущения стали отпускать в начале северной дуги, благо протяженность витков неуклонно сокращалась и домчал грузовик до семнадцатого румба минут за тридцать или около того.

«Чем дальше, тем проще», — подумал я и протянул руку, в которую немедленно вложили кружку с водой. Половину расплескал, но что-то все же влил в себя, стало легче.

Тогда окинул взглядом попутчиков, хотел проверить состояние товарищей, а вместо этого заметил, как с лихорадочной поспешностью что-то беззвучно шепчет чернявая девица. Никогда не обладал способностью читать по губам, а тут с кристальной ясностью понял, что это не молитва, а бесконечное повторение одного-единственного слова «нет».

— Нет! Нет! Нет! — И потом уже в голос: — Нет! Только не сейчас! Слишком рано! Не надо!

На крик обратил внимание начальник бригады, он подскочил к девчонке и потребовал:

— Перестань сопротивляться! Просто расслабься!

Та этих слов будто не услышала вовсе.

— Слишком рано! Я не хочу! — завизжала она, и старший смены отвел назад руку.

— Транквилизатор! — потребовал медбрат, получил шприц и попытался воткнуть в шею истерички иглу, но стеклянный цилиндр попросту взорвался, в пальцах остался зажат один только поршень.

Никто не видел, лишь мое сверхзрение позволило если и не разглядеть, то уловить, как вокруг девицы сплетаются тончайшие нити незримой энергии. Она стала неотъемлемой частью окружающего пространства и времени, словно уложенный в нужное место кусочек мозаики, но изо всех сил пыталась сопротивляться и оттягивать момент резонанса. Разрушала гармонию. Шла вразнос.

Энергия переполняла ее и, не находя выхода, бурлила в крови, прилиwała к голове. Артерия на шее набухла и пошла уродливыми буграми, черные глаза побелели и засветились электрическим сиянием, а сама девушка вдруг приподнялась над лавкой и взмыла в воздух.

Прежде чем начальник смены успел хоть что-то предпринять, его подопечная сместилась к заднему борту, а затем искаженный судорогой рот распахнулся во вновь ставшем беззвучным крике. Почудилось отчаянно-тоскливое: «Руди...» —

а следом негромко хлопнуло, и голова девчонки разлетелась брызгами крови и ошметками запеченного мозга.

Старший санитар принял основной удар на себя, но алые капли долетели и до нас, забрызгав большей частью Антона. Тот оказался крепким орешком, лишь судорожно сглотнул и не проронил ни слезинки. Я видел это со всей отчетливостью. Сверхзрение — это хорошо...

— Вот же дура безмозглая! — зло выдал медбрат, вытирая с лица кровь сунутой кем-то тряпкой. — Теперь с объяснительными замучают!

Иных эмоций, кроме злости, гибель соискателя у него не вызвала, и дальше все пошло по заранее установленному плану. Как ехали, так и продолжили ехать, даже не притормозили...

Шестой виток обернулся гигантской центрифугой. Меня вдавило спиной в борт с такой силой, что неминуемо бы треснули ребра и раскрошился позвоночник, иди речь о физическом проявлении центробежной силы, но нет — что-то смещалось внутри меня, и не более того.

Почему не попросил посадить на Западном луче? Да просто навалилась апатия. Ну и глупо было бы соскакивать на половине пути. Нерационально. Поздно.

Бедная дуреха погибла именно из-за своего опрометчивого желания перебороть уже накативший на нее резонанс. Нарушила гармонию, пошла вразнос и — пух! Я всерьез полагал, что уже опутан нитями незримой энергии и любая попытка выйти из игры обернется фатальным исходом. Лишиться головы нисколько не хотелось, проще было перетерпеть.

А между тем безумная центрифуга все ускорялась и ускорялась. Разноцветные сигнальные ракеты взлетали в небо уже беспрестанно, частенько попадались на обочинах соискатели и санитары. Ну а мы неслись по южной дуге прежним составом.

Все изменилось на семнадцатом румбе. Нет, одновременно давление никуда не делось, просто вошли в резонанс Инга и рыжий Антон. Вошли без истерик и криков, как-то обыденно-незаметно. Погрузились в транс, как мне показалось, — легко и непринужденно.

— Золотой дубль! — присвистнул начальник смены. — Это мы удачно съездили!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ИНИЦИАЦИЯ	5
Часть вторая. АДАПТАЦИЯ	102
Часть третья. ДЕФОРМАЦИЯ	214